

УДК 655.552

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.185-192

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
KRÓLIKOWSKA-JEDLINSKA N. LAW AND DIVISION
OF POWER IN THE CRIMEAN KHANATE (1532–1774):
WITH SPECIAL REFERENCE TO THE REIGN
OF MURAD GIRAY (1678–1683)**

О.Д. Рустемов

*Национальный университет биоресурсов и природопользования
Киев, Украина
biblos@ukr.net*

Рецензируемая книга посвящена особенностям крымскотатарского общества, его традициям, сословному этикету, правам и обязанностям жителей государства, и другим социальным вопросам, которые нашли свое отражение в различных документах. Большое количество таких документов – это исторические трактаты, записи путешественников, свидетельства послов иностранных государств. Центральное место в среде этих источников занимают судебные реестры судов Шариата, называемые сиджили или кадиаскерские книги. Социологические аспекты исследования приходятся больше на время правления Мурад-Гирей хана, когда многие традиции и особенности жизненного уклада уже выкристаллизовались в Крыму. К тому же фигура Мурад-Гирей хана привлекательна попытками реформ, которые он предпринял, предвидя гибель своего государства.

Внешняя и внутренняя политическая позиция многих крымских ханов отличалась своей двойственностью. Она заключалась в их статусе вассалов Османских султанов. Однако, при этом крымские ханы являлись потомками более древней и могущественной в прошлом, а значит и более легитимной в тюркском мире в плане верховенства власти династии Чингизидов. За редким исключением, среди крымских ханов всегда живо было желание возвращения былого величия и могущества дома Чингиза, которое зачастую сочеталось с желанием независимости от Порты.

Эти внутренние устремления временами приводили к актам неповиновения и даже к открытым военным противостояниям, таким как в случае с ханом Мехмедом II Гиреем по прозвищу Семин (Жирный), осадившим кефинский гарнизон в 1577 г., но эти проявления «своеволия» неизменно подавлялись как превосходящей военной силой Порты, так и посредством интриг, умело разыгрываемых стамбульскими вельможами в среде крымской родовой аристократии, представители которой нередко поднимали восстания против собственных, ныне действующих ханов, в поддержку вновь назначенных султаном.

Ключевые слова: Крымское ханство, Османская империя, Турция, Мурад-Гирей хан, Тёре, Яса

Для цитирования: Рустемов О.Д. Рецензия на книгу: Królikowska-Jedlinska N. Law and Division of Power in the Crimean Khanate (1532–1774): with special reference to the Murad Giray (1678–1683) // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 185–192. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.185-192

**BOOK REVIEW: KROLIKOWSKA-JEDLIŃSKA N. LAW AND DIVISION
OF POWER IN THE CRIMEAN KHANATE (1532–1774):
WITH SPECIAL REFERENCE TO THE REIGN OF MURAD GIRAY (1678–1683)**

O.D. Rustemov

National University of Bioresources and Nature Management

Kyiv, Ukraine

biblos@ukr.net

The book under review is dedicated to the peculiarities of Crimean Tatar society, its traditions, class etiquette, rights and obligations of residents of the state, and other social issues, which are reflected in various documents. A large number of such documents exist, comprising historical treatises, travel records, testimonies of ambassadors of foreign countries, etc. The central place among these sources is occupied by the judicial registers of the Shari'a courts, called sijjils or qadiasker books. The sociological aspects of this study fall predominantly on the reign of Murad Giray Khan when many traditions and peculiarities of the way of life crystallized in the Crimea. In addition, the figure of Murad Giray Khan is attractive owing to the attempts at reforms that he undertook, foreseeing the death of his state.

The political external and internal position of many Crimean khans was distinguished by its duality. It was based on their status as vassals of the Ottoman Sultans. However, the Crimean khans were descendants of a more ancient and formerly powerful Chinggisid dynasty, and therefore they were more legitimate in the Turkic world in terms of the power of their rule. With rare exceptions, among the Crimean khans there was always a vivid desire for the return of the former greatness and power of the house of Chinggis, something which was often combined with a desire for independence from the Sublime Porte.

These internal aspirations at times led to acts of disobedience and even open military confrontations. Such was the case of Khan Mehmed II Giray, nicknamed Semin (the Fat), who laid siege to the Caffa's garrison in 1577, but these manifestations of "self-will" were invariably suppressed both by the superior military power of the Porte and by intrigues, skillfully played by Istanbul grandees among the Crimean clan aristocracy, whose representatives often raised revolts against their own khans.

Keywords: Crimean khanate, Ottoman Empire, Turkey, Murad Giray Khan, Töre, Yasa

For citation: Rustemov O.D. Book Review: Królikowska-Jedlinska N. Law and Division of Power in the Crimean Khanate (1532–1774): with special reference to the Murad Giray (1678–1683). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 1, pp. 185–192. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.185-192

Книга Наталии Кроликовська-Йедлинської [5] охоплює період з 1532 по 1774 гг. Время для исторического и сравнительного анализа выбрано не случайно: 1532 год представляет собой начало реформ в крымском судопроизводстве, начатых еще при Сеадет-Гирее, и окончательно воплощенных и утвержденных следующим правителем – Сахиб-Гиреем. С другой стороны, 1774 год явился годом подписания Кучюк-Кайнарджийского мира и знаменует собой, по сути, конец прежней и начало новой эпохи в истории Крыма. Таким образом, автор исследования рассматривает особенности той формы правосудия, которая сложилась и укрепилась в Крыму после вхождения ханства в состав Османской Турции на основе некоего «легендарного» и до

сих пор полностью ненайденного договора, заключенного между Менгли Гиреем I и султаном Мехмедом II Фатихом [4, с. 192–193].

Предисловие

Эта вводная часть предназначена для ознакомления с ситуацией в Крымском ханстве в указанный период и освещения истории изучения вопроса прежними исследователями, представления и характеристикой использованных источников. Содержит также словарь крымских и османских названий чиновников и сословных титулов, а также отдельных терминов, используемых в официальных документах и кадийских (судейских) книгах, включая небольшой раздел, посвященный топонимике. Собственно текст и начинается с топонимики, с тех географических объектов, которые упоминаются в фигурирующих в книге документах. Их грамматическое написание и этимология (а также перевод) сделаны согласно «Словарю крымских ойконимов до-русского происхождения» Хенрика Янковского и возражений не вызывают.

Словарь терминов достаточно полный и корректный. Касается он в основном терминов шариатского судопроизводства, присутствующих в сиджилях. Правда, перевод отдельных терминов, на наш взгляд, нуждается в уточнении. Например, *kilerci (kilârci) başı* переведено как «смотритель / начальник кладовой» / *chief/head of the larder* (С. ххi), тогда как этому термину скорее подходит значение «интендант» (*quartermaster*), «начальник интендантской службы». В пользу последнего утверждения служат материалы кадиаскерских книг Бахчисарайского кадылыка. Так, интендант Мехмед Ага в начале тома очень активно действует на своем поприще, например, получает до тонны сливочного масла с утонувшего в Балаклаве корабля, продает сады и прочие подобные события. В конце же данного тома он погибает в битве вблизи Днепра от руки казака (вероятно, это была битва при Сары Су – Жёлтые Воды) (*işkiya qazaq elinden şehid olan...*), в связи с этим в конце тома присутствует большое количество текстов о разделе его имущества между детьми [1]. Факт гибели килерджи башы (*kilerci başı*) в бою говорит о том, что он как войсковой интендант находился в составе воюющей армии и даже принимал участие в боях.

Библиография

Для своего исследования Наталия Кроликовська-Йедлинська использовала очень богатую базу источников, представляющих собой документы различного характера, особенно Кадиаскерские книги (сиджили – реестры судов Шариата), научные исследования, словари, исторические трактаты, хроники путешественников и свидетельства современников, как более ранних, близких к нам по времени, так и древних авторов из более отдалённых эпох. География этих письменных источников также обширна. В перечне библиографического аппарата, как и в ходе повествования, встречаются ссылки и цитаты из арабских, греческих, многих европейских, российских, османских, и собственно татарских авторов. Важное место среди этих сочинений представляют личные письма ханов, донесения и рапорты иностранных послов, например, польских или московских, в разное время побывавших в Крыму и испытывавших на себе иногда обходительные, но чаще суровые нравы крымских правителей. Такая обширная и разноплановая письменная поддержка данного издания свидетельствует о высоком уровне языковой эрудиции автора и значительной глубине знания вопроса.

Историография Крыма

Этот раздел тесно соприкасается с общим библиографическим аппаратом книги. Важная роль в нём отводится непосредственно крымским источникам, таким как история, написанная личным лекарем, секретарем и библиографом Сахиб-Гирей хана Реммалем Ходжой Недаи, и «Книга Путешествий» известного османского географа Эвлии Челеби. Кроме них упомянуты все известные на сегодняшний день историки Крымского ханства, а также правители Золотой Орды, сведения о которых передаёт Сейид Мухаммед Риза. Наталия Кроликовська-Йедлинська не обошла стороной спорный вопрос сомнительного происхождения рукописи Ибрахима Кефеви, написавшего историю «Царей Дешт-и Кыпчака, Золотой Орды и Крыма» от лица современника Крымского ханства. В этом случае она выражает солидарность с другими исследователями, в частности с Ильёй Зайцевым, определившим её как фальсификацию нового времени (приблизительно XIX века), что автоматически исключает эту рукопись из списка надёжных источников.

Для воссоздания более полной картины политической обстановки Крымского ханства автор использовала исследования, заслужившие доверия тюркологов. Вопросы родо-племенной аристократии подробно были освещены Халилем Инальджиком. В данном случае интерес вызывают попытки отдельных ханов укрепить и объединить государство по османскому образцу, словив или снивелировав угрозы, исходящие от отдельных могущественных кланов, обладавших значительной собственной военной силой, как например, Ширины или Мансуры с Мангытами. Подобную политику вёл у себя в стране Сахиб-Гирей, и становился все более самостоятельным. В результате он был смещён султаном и убит Болюк-Гиреем по приказу своего дяди, нового хана – Девлет-Гирея, посаженного Стамбулом на крымский престол.

Рассматриваемый в рецензируемой книге отрезок времени не совпадает с историческими рамками существования Крымского ханства, которое было основано почти на сто лет ранее – в 1441 году. Одной из причин того, что книга начинается от времени правления Сахиб-Гирея I, вероятно, следует считать недостаток источников: хронологический охват этого исследования определялся доступностью источников. На наш взгляд, это не совсем так, поскольку по первым десятилетиям существования ханства и первым ханам Крыма существует достаточно широкая информативная база исследований и документов, прежде всего, включающая в себя письма и ярлыки.

Возможно, эта часть истории постзолотоордынского Крымского ханства, когда в канцелярии было живо еще золотоордынское Тюрки, а законы основывались на Ясе и Тёре, не входили в задачи исследования автора. Целью Наталии Кроликовська-Йедлинської был анализ сложившегося впоследствии в Крыму мусульманского права, его институтов, процедур, документов, языка и традиций. Тем не менее, автор книги не обошел стороной вопрос тюркского узального Права, основанного на Ясе, как и само понятие – Яса. В рецензируемой научной работе убедительно звучит мысль о том, что закон – Тёре и у тюрков представлял собой с одной стороны хан, а с другой Йосун (Яса) – народные обычаи и традиции. Это вполне справедливо и для Ясы Чингиз-хана, которую, целиком оформленную, никто никогда не видел. Писалась она не один год, но все время дополнялась, иногда ситуативно, и что, на поверку, Ясой был сам Чингиз-хан. Подтверждение этому мы находим

также и у тюрок Крыма, когда в известных произведениях, особенно фольклорного характера, военачальники, калги или просто важные беи называются – Тёре, что может значить Господин Закон.

Даже в эпоху сиджией, когда уже всюду было распространено правосудие по Шариату, живы еще были отголоски этого старого татарского права. Примером этому могут служить ярлыки Селямет-Гирей хана из 1-го тома сиджией. В них идет речь о несправедливом требовании беев одной деревни у крестьян другого села пошрины за выпас вблизи их деревни в пределах одной акче с овцы. На обращение возмущенных подданных Селямет-Гирей ответил запретом данной пошрины, говоря при этом: «Во времена ханов такого не было, и в мое время не будет тоже...» [1, с. 117–120]. Здесь имеется в виду, что во времена, когда законом был сам хан (монгольский или тюркский), пошрина на овец никогда не взималась, но отдавалась раз в год натурой (шишлык). В то же самое время на других территориях Османской Империи пошрина в одну акче с овцы бралась по султанскому закону, называемому *resm-i ganem*.

Эпоха Мурад-Гирея

В исследовании Наталии Кроликовська-Йедлиськой этот хан и связанный с ним период занимают одно из центральных мест. Время его правления репрезентировано на фоне внешних политических событий в Восточной Европе, центральным актом которого стал Андрусовский мир 1667 года между Московией и Польско-Литовским княжеством. Как пишет автор, этот мирный договор разделил Украину на две части: лево- (восточную) и правобережную (западную), что означало значительные уступки Польши в сторону Московии и усиление последней. Гетман Дорошенко признал польский сюзеренитет над правобережной Украиной. С другой стороны, гетман Иван Самойлович признал патронаж Москвы на левобережные украинские земли. Такое положение вещей не устраивало ни Стамбул, ни Бахчисарай. К тому же замиренные казаки обеих сторон стали совершать дерзкие набеги на земли мусульман. Однако Дорошенко вскоре предпочёл стать турецким вассалом, что развязало руки и Крыму, и Стамбулу для войны с Москвой и дало шанс вновь объединить украинские земли. В результате этой войны, в которой Мурад-Гирей принимал личное участие, удалось завоевать лишь самую важную крепость – Чигирин, после чего в Бахчисарае был заключен мир, куда царь Федор Алексеевич направил посольскую делегацию.

Сначала польские, а затем и русские послы описывают Мурад-Гирея как осторожного в вопросах дипломатии человека, хорошо осознающего место Крымского ханства в международных политических вопросах. При этом все они отдают должное крутому нраву этого высокого благонаправленного хана средних лет с чёрными волосами и окладистой бородой. Русские послы отмечают экспрессивность Мурад-Гирея (ведь он посадил их в темницу в Чуфут-Кале на несколько недель) и уважение со стороны его подданных, граничавшее с подобострастием.

Во внутренней политике Мурад-Гирей придерживался традиционной для многих крымских ханов линии на укрепление независимости. Настраивал друг против друга дворянские роды, пытаясь устранить вечно исходящую от них угрозу. Показателен случай использования клана Мансуров для нападения и наказания клана Ширинов, отказавшихся исполнить волю хана идти на

войну с Москвой. Таким образом, Мурад-Гирей был одним из тех правителей, которые столь очевидным способом использовали противоречия между крымскими «карачи» беями для укрепления собственной власти.

Кроме того, в желании упрочить свою независимость от Османской Порты или хотя бы, по крайней мере, сделать в этом направлении какие-то реальные шаги, отправляясь в поход на Вену для поддержания султанских войск, Мурад-Гирей упразднил должность кадиаскера, заменив его своеобразным «Тёре Башы» – главой всех судей. При этом законы Шариата то же предполагалось упразднить, а вместо них ввести законы Чингиз-хана. В Крыму подобная инициатива получила как сторонников, так и противников, особенно в среде многочисленного сословия всевозможного духовенства разных рангов и должностей, но в Турции была воспринята однозначно отрицательно. Закон Чингиза не признавал турецкого султана халифом всех мусульман и был достаточно серьезным шагом в сторону сепаратизма. Однако просуществовало подобное состояние вещей недолго, и по настоянию самого Мурад-Гирея все было возвращено на прежнее место. Как пишет автор об известных событиях, последующая осада Вены окончилась катастрофой, в которой крайним сделали крымского хана Мурад-Гирея. В том же 1683 году он был смещен и отправлен пожизненно в Румелию в Ямболу, где и прожил последние тринадцать лет своей жизни.

Состояние крымского общества при Мурад-Гирее, отраженное в сиджиях

В рецензируемой книге очень подробно и полно представлена история изучения как османских, так и крымских сиджией или реестров судов Шариата. В отношении крымских документов совершенно справедливо было сказано о том, что османские реестры изучаются довольно давно, подробно и непрерывно, в то время как сиджили Крымского ханства – относительно недавно (после почти столетнего перерыва со времен Федора Лашкова и Мурата Биярсланова, осуществивших первое знакомство с ними). Совершенно неожиданно прозвучала мысль о текстах кадийских книг для романов, бытописания турецкого общества, статей по гендерным аспектам жизни османских мусульман, почерпнутых из азиатских и румелийских судейских реестров. Крымские сиджили, как, впрочем, и известия из хроник и других источников автор книги приводит для сравнения с собственно турецкими бытом и традициями. Так, например, различием было то, что османские султаны охотно брали себе в жены дочерей европейских правителей и вообще европейских женщин, тогда как крымские ханы женились на женщинах из высоких родов Карачи беев, прежде всего, из клана Ширин или Мансур.

Крымские сиджили подвергнуты автором книги очень обстоятельному анализу, который в результате дает достаточно полную картину сословных и гендерных привилегий и отличий в правах. Естественно, наибольшими правами пользовались представители дома Гиреев. Они судились обязательно в присутствии самого кадиаскера. В кадиаскерском судилище вели свои тяжбы также и представители влиятельных родов – Карачи беев и высшие чиновники, находившиеся на государственной службе. Духовные лица, такие как мюддеррисы, монлы (муллы), улема, ваизы, имамы также часто приезжали в Бахчисарай на суд кадиаскера.

В книге присутствует множество таблиц, которые демонстрируют из каких мест были тяжущиеся стороны, какого социального статуса, по каким делам они туда приезжали. Сколько было заключено браков и разводов, при этом какие из этих разводов были инициированы женщинами. Имущественные споры и дела об отпуске рабов на свободу. Открытием стало также утверждение Наталии Кроликовська-Йедлинской, что люди намеренно пускались в хадж, чтобы заслужить себе титул Хаджи, который также имел вес в суде.

В конце книги приложены два интересных документа из кадийских реестров. Первый из них – известный ярлык Джанибек-Гирея, трижды до этого опубликованный [3, с. 165–189; 2; 1, с. 224], с переводом на русский язык. В ярлыке хан сетует на коррупцию и беззаконие, творящиеся в судах Шариата, и обращаясь непосредственно к судьям больших кадылыков, таких как Феррах-Керман, Гёзлев, Карасу и т.д. требует строго взыскивать со своих наибов, на должность эту сажать людей достойных, а не по протекции, а в отсутствии таковых, самим вести судейские дела и составлять худжеты и прочие записи. В ярлыке присутствует также прејскурант цен на все виды услуг и справок, выдаваемых судами с требованием строго его придерживаться и не нарушать.

Второй документ интересен тем, что там фигурирует коллективная жалоба от шестидесяти мужчин и восемнадцати женщин, которые были возмущены действиями некоего вельможи, купившего себе дом в окрестностях села Неджан и перекрывшего им возможность пользоваться пастбищами, на которые у них было разрешение (мулькнаме). В результате, невзирая на высокий сан вельможи, суд решился в их пользу. Далее в книге приводится еще несколько примеров дел, большей частью касающихся убийств с различными приговорами по ним. На наш взгляд, в рецензируемой книге уместно было бы разместить еще один сиджилъ или, по крайней мере, хотя бы просто перевод ярлыка самого Мурад-Гирея, изданного им по восхождению на престол¹. Ярлык посвящен новому стандарту монет, в которых должно быть не менее и не более семидесяти долей серебра. Вначале идет поименный перечень всех мастеровых этого двора, с указанием их должностей или обязанностей, а затем сам ярлык. Ярлык примечателен тем, что впредь перечисленные мастеровые ханского печатного двора обязывались чеканить новую монету, а если в ней будет какой изъян, по весу ли, или по содержанию серебра, наказанием им будет отсечение руки. Экспрессивная натура Мурад-Гирея находит себя и в этом ярлыке.

В целом исследование Наталии Кроликовська-Йедлинской выполнено на очень высоком профессиональном уровне, с привлечением большого количества документов, что позволяет аргументированно делать выводы о сложившемся в эпоху Мурад-Гирея крымском обществе, законах и обычаях, царивших в нем. Несмотря на трагическую судьбу самого Крымского ханства, это государство дало миру множество талантливых правителей, общественных деятелей, воинов и поэтов. Угрозы с севера и зависимость от Турции не помешали создать совершенно уникальную цивилизацию с запахом степей и модой больших городов. Это был действительно пёстрый, своеобразный мир, сочетавший в себе тюркское и европейское начало. Нам остается лишь сожалеть, что он безвозвратно утерян.

¹ Текст был опубликован мною в 2017 г. [1], но оригинал находится в 22-ом томе Кадиаскерских книг Крымского ханства на третьей странице.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Рустемов О.Д.* Кадияскерские книги Крымского ханства: исследования, тексты и переводы. Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2017. 280 с.
2. *Рустемов О.Д.* Образцы судебных решений (Хукм) из судебных сборников крымского ханства: особенности структуры и стиля // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2015. № 1. С. 55–62.
3. *İnalçık Halil.* Kırım Hanlığı kadı sicilleri bulundu. *Belleten*, LX/227, TTK. Yay., Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1996. P. 165–189.
4. *İnalçık Halil.* Yeni Vesikalara göre Kırım Hanlığı'nın Osmanlı Tabiliğine Girmesi ve Ahidname Meselesi. *Belleten'den ayribasım*. Vol. 8. Ankara, 1944. P. 185–229.
5. *Królikowska-Jedlinska N.* Law and Division of Power in the Crimean Khanate (1532–1774): with special reference to the Murad Giray (1678–1683). Series: The Ottoman Empire and its heritage. Vol. 65. Leiden; Boston: Brill, 2019. 320 p. DOI: 10.1163/9789004384323

Сведения об авторе: Олег Диляверович Рустемов – кандидат филологических наук (Ph.D.), сотрудник гуманитарно-педагогического факультета Национального университета биоресурсов и природопользования (03041, ул. Героев Оборона, 15, Киев, Украина). E-mail: biblos@ukr.net

*Поступила 13.12.2018 Принята к публикации 04.03.2019
Опубликована 29.03.2019*

REFERENCES

1. Rustemov O.D. *Kadiaskerskie knigi Krymskogo hanstva: issledovaniya, teksty i perevody* [Kadiasker books of the Crimean Khanate: studies, texts and translations.]. Simferopol, GAU RK “Mediacentr im. I. Gasprinskogo” Publ., 2017. 280 p. (In Russian)
2. Rustemov O.D. *Obrazcy sudebnyh reshenij (Hukm) iz sudejskih sbornikov krymskogo hanstva: osobennosti struktury i stilja* [Samples of court decisions (Hukm) from judicial collections of the Crimean Khanate: features of structure and style]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika* [Bulletin of St. Petersburg University. Oriental and African studies]. Vol. 1, 2015, pp. 55–62. (In Russian)
3. İnalçık, Halil *Kırım Hanlığı kadı sicilleri bulundu. Belleten*, LX/227, TTK. Yay., Ankara, Türk Tarih Kurumu, 1996, pp. 165–189. (In Turkish)
4. İnalçık Halil. *Yeni Vesikalara göre Kırım Hanlığı'nın Osmanlı Tabiliğine Girmesi ve Ahidname Meselesi. Belleten'den ayribasım. Vol. 8, Ankara, 1944, pp. 185–229. (In Turkish)*
5. *Królikowska-Jedlinska N.* *Law and Division of Power in the Crimean Khanate (1532–1774): with special reference to the Murad Giray (1678–1683)*. Series: The Ottoman Empire and its heritage. Vol. 65. Leiden; Boston, Brill, 2019. 320 p. DOI: 10.1163/9789004384323

About the author: Oleg D. Rustemov – Candidate of Philological Studies (Ph.D.), employee of the Faculty of Humanities and Pedagogy of the National University of Bioresources and Nature Management (15, Geroev Oborony Str., Kyiv 03041, Ukraine). E-mail: biblos@ukr.net

*Received December 13, 2018 Accepted for publication March 4, 2019
Published March 29, 2019*